

Р. КОЛЛИНЗ

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ: ПРИМЕР КОЛЛАПСА СССР

ПРОБЛЕМА ПРЕДСКАЗАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Что рассматривается в качестве обоснованного предсказания?

Можно ли делать успешные исторические предсказания? Очевидно можно. Есть, однако, разница между социологическим предсказанием и догадкой или пожеланием. Для обоснованного предсказания требуются две вещи: во-первых, теория, определяющая условия, при которых то-то и то-то произойдет или не произойдет, то есть модель, сводящаяся к утверждениям типа: если — то. Это вариант более строгой теории в сравнении с тем, что социологи обычно понимают под этим термином. Это не категориальная схема, и не мета-теория, и даже не модель процесса, в которой отсутствуют видимые каузальные связи. Во-вторых, должна иметься в наличии эмпирическая информация об исходных позициях, о начальных условиях, при которых становится возможным утверждение типа: если — то. Мое предсказание коллапса СССР основывалось как на принципах геополитической теории, так и на эмпирической информации об условиях, в которых пребывали СССР и его противники, начиная с 1970 годов.

Большая часть путаницы, с которой связаны споры о возможности предсказания, происходит из-за того, что социологи не в состоянии разделить эти два компонента. При отсутствии теории предсказание — всего лишь эмпирическая экстраполяция. От нее мало проку, если экстраполяция касается короткого промежутка времени, когда социолог лишь продляет уже идущий процесс, не зная при этом, какие факторы изменяют направление этого процесса. Долгосрочная эмпирическая экстраполяция также весьма ненадежна. Большинство

Коллинз Рендалл (Collins, Randal) — профессор социологии Университета Пенсильвании. Адрес: 277 McNeil Building 3718 Locust Walk, University of Pennsylvania, Sociology Department, Philadelphia, PA 19104-6299. Телефон: (215) 573-6176. Факс: (215) 573-2081. Электронная почта: collinsr@sas.upenn.edu

Начало публикации — в № 3 за 2008 г. Оригинал данного перевода опубликован в: *Collins R. Prediction in macro-sociology: The case of the Soviet collapse // American Journal of Sociology. 1995. No. 100. P. 1552–1593.*

Перевод с английского В.Г. Кузьмина, научное редактирование А.Г. Здравомыслова.

Указания в тексте на использованные Р. Коллинзом источники, а также затекстовый список литературы оформлены, как в английском оригинале.

предсказаний, которые делают социологи, именно этого рода. Например, мы слышим утверждения, что к середине XXI века более половины американских детей будут представителями национальных меньшинств. В отсутствие теории факторов, определяющих этническую идентификацию, этот род предсказаний становится проблематичным, поскольку предполагается, что не будет присутствовать этническая ассимиляция, равно как не произойдет и изменений в социальных категориях этничности. Наиболее известным неудачным социологическим предсказанием стала экстраполяция тенденции, когда в 1940 году демографы, при отсутствии теории, которая могла бы содержать указание на бум рождаемости, предсказали сокращение народонаселения на 100 миллионов¹.

Теоретические принципы наряду с эмпирическими данными необходимы, чтобы сделать предсказание, в котором мы так или иначе уверены, предсказание, которое будет больше, чем догадка. Это предполагает, что теория также должна быть обоснованной. Обоснованность социологической теории не может рассматриваться с точки зрения «все — или ничего». Когда мы имеем дело со сложными процессуальными моделями, в которых присутствуют механизмы обратной связи между внутренними процессами и внешними отношениями таких сложных образований, как государства, нельзя определенно принять или отвергнуть общую модель на основании сугубо статистических критериев. Это не значит, что, так сказать, отдельные элементы этой модели не будут искажаться частными данными. Однако выявление ошибок в частном анализе — не главный путь, который ведет к построению достоверной макро-динамической модели. Успех моего предсказания будущего Российской империи еще раз подтверждает ее обоснованность, однако, если у теории не будет другой эмпирической базы, кроме этой, мы не будем вполне уверены в возможности ее дальнейшего эффективного применения. Согласованность источников достоверности в целом — центральный вопрос в наших суждениях относительно обоснованности предсказания. Эта согласованность должна проявляться так, чтобы теоретические утверждения, обобщающие различные примеры, логически вытекали одно из другого. Согласованность геополитической теории, теории формирования государства в зависимости от военных ресурсов и теории крушения государства является основой проверки каждой из них посредством другой. В сделанном выше обзоре этих теорий я сослался на данные исследования, часть которого была осуществлена после того, как я в 1980 году сделал предсказание относительно коллапса СССР. Исследования и развитие теории в этих направлениях продолжаются и в настоящее время. Когда требуется обосновать общую модель и тем

¹ Вероятно, имеется в виду население США. — *Прим. перев.*

самым продемонстрировать, что базой предсказания был скорее системный анализ, нежели конкретный случай, неважно, когда именно проводилось данное исследование. В этом плане обоснованность геополитического предсказания будет наращиваться (или будет разрушена с помощью рациональных методов) в результате дальнейшего углубления макро-политической теории.

Давайте рассмотрим под этим углом зрения некоторые другие предсказания и утверждения, сделанные постфактум, относительно коллапса Советской империи.

Этническое восстание. Наиболее известное предсказание, с которым я был знаком в то время, было сделано Д'Анкосс (d'Encausse, 1979). Это было предсказание, основанное на эмпирической экстраполяции. Она вычислила демографические тенденции, характерные для русских и других национальностей СССР, и заключила, что империя распадется в XXI веке, поскольку нерусские национальности станут большинством. Было ли это достаточным для обоснованного предсказания? Можем ли мы извлечь некий теоретический принцип из тенденций изменения этнического состава, отмеченных Д'Анкосс? Может показаться, что сама по себе величина этнических групп определяет относительную политическую мощь, что подразумевает тенденции к восстанию и дезинтеграции многонациональных государств. Однако при этом отсутствует широкая теория условий, при которых этнические группы либо ассимилируются, либо остаются обособленными, либо, в силу последнего обстоятельства, делятся на более мелкие этнические подгруппы. Но тенденции в этническом разграничении весьма разнообразны, и главная детерминанта этого — геополитическая (Collins and Waller, 1992). А именно: когда сердцевиное государство геополитически сильно, престиж его доминирующей этнической группы — высок, поэтому она является референтной (target) в процессах этнической ассимиляции; с началом процесса геополитической дезинтеграции мобилизуются этнические движения, которые становятся инструментами децентрализации власти. Отсюда следует вывод, что в отсутствие каркаса геополитических условий прогноз относительного размера этнического состава не может рассматриваться как обоснованное предсказание коллапса СССР.

Важно, чтобы эти проблемы не решались в духе того, «кому принадлежит первенство правильного предсказания?». Предсказание — это не попадание в цель с одного выстрела и не счастливый случай обнаружения «жемчужного зерна в навозной куче». Предсказание ценно только тогда, когда мы знаем, что оно сделано с помощью надежного инструментария, такого инструментария, который мы можем использовать постоянно и в разных условиях. Например, вопрос о том, влияет один лишь размер этнического состава населения на распад государства, или общие геополитические условия определяют направление этнической ассимиляции или диссимиляции, был главным применительно

к ситуации в Восточной Европе и Центральной Азии в 1990-х годах, и сомнительно, что он остается таковым в XXI веке. Только на основе добротной общей теории возможно предсказание будущего.

Давайте теперь рассмотрим в этом ключе заявления, сделанные постфактум, после революций 1989–1990-х годов, особенно после лета 1991-го. Большинство из них разделяются на следующие типы: а) деспотические государства, вроде СССР, были обречены на уничтожение собственными народами и б) централизованная (или — а fortiori² — социалистическая) организация экономики неизбежно проигрывает в соревновании с более эффективной экономикой рыночного капитализма. Оставим в стороне тот факт, что практически каждый до конца 1980-х годов, включая большинство обществоведов, воспринимал советские социалистические режимы как принципиально стабильные. Поставим вопрос так: насколько эти два наиболее распространенных ретроспективных заявления могут рассматриваться в качестве теории?

Свержение деспотизма. Теория (а) является определенно ложной. Она напоминает восторженный рев экзальтированной толпы, опрокидывающей статуи. Однако деспотизм государства — недостаточное свидетельство его уязвимости перед народной революцией при условии, что не произошло крушение государства наверху и мобилизации ресурсов снизу (подтверждение этому в: Tilly, 1978; Scocpol, 1979).

Капитализм против социализма. С теорией (б) мы должны обращаться осторожно, поскольку она представляет собой разновидность идеологического злорадства. Однако она обладает определенной ценностью даже для геополитической теории, поскольку, если она верна, то она сильно повлияет на наши представления об относительных ресурсных уровнях, необходимых для поддержания военной мощи различных государств (иными словами, она представляет собой некомулятивный аспект принципа 1). Чтобы не получилось так, что теория постфактум подгоняется под интересующий нас случай, мы должны уяснить, какие общие принципы были взяты на вооружение. Один из них гласит, что степень экономической эффективности в производстве потребительских товаров является главной причиной политических революций. В качестве сравнительно-исторического обобщения это в корне неверно.

Второй изъян теории превосходства капитализма над социализмом в плане экономической эффективности в том, что теория эта неопределенна во временном отношении. Ее применение в настоящий момент к периоду спада советской экономики 1980-х годов является слишком узким и частным. В более ранние периоды (на протяжении 1950-х и 1960-х вплоть до 1975 года) советские социалистические экономики развивались быстрее, чем большинство их капиталистических конкурентов (Kennedy, 1987: 429-431, 490-496). И. Зелений и

² В более строгом смысле слова (лат.). — Прим. перев.

Б. Зелений (Szelenyi and Szelenyi, 1994) на этом основании считают, что социалистические экономики в 1980-х годах находились лишь в середине цикла спада и что политическое крушение произошло из-за факторов, случайных с точки зрения экономической теории. В любом случае из этого мало что можно извлечь, поскольку отсутствует хорошо разработанная теория долгосрочных циклов изменений социалистической экономики. К сожалению, то же самое можно сказать о долгосрочных циклах капиталистических экономик. Имеются многочисленные свидетельства циклических процессов и кризисов, однако отсутствуют общие принципы, которые указывают на то, когда и почему капиталистические экономики попадают в циклический кризис, в то время как социалистическая экономика растет (как это было в 1930-х годах), или объясняют обратную ситуацию (в частности ситуацию 1980-х годов). В будущем обществоведение сможет углубить свое понимание и прогностические возможности в отношении подобных макроэкономических процессов. Однако совокупность доказательств и логика развития теории в данный момент свидетельствуют, что, даже если мы станем глубже понимать экономические циклы, сами по себе они не будут предопределять государственную экспансию или крушение государства, в лучшем случае они добавят причинно-следственные цепи в стержневую модель извлечения ресурсов и возникающих при этом напряжений государства.

У нас также имеется возможность проведения предметного эмпирического теста-сравнения относительных достоинств геополитической теории и теории превосходства капитализма в плане экономической эффективности на основе временных процессов в сфере государственной власти в СССР и Китае. Сравнение это не в пользу модели, в соответствии с которой превосходство капитализма определяет крушение государства. Ли (Li, 1993) демонстрирует, что превратности судеб коммунистических сил Китая в XX веке именно такие, какими они описываются геополитической теорией, и на основе относительных геополитических преимуществ Китая на рубеже XXI столетия предсказывает, что внутренней революции в Китае ожидать не приходится. Иными словами, сам по себе социализм не влияет на слабость или силу государств, в то время как геополитические условия действительно влияют.

В приведенном суждении не отрицается внутренняя экономическая слабость социализма, вопрос состоит в том, возможно ли, исходя из этого, получить на уровне общей теории адекватное объяснение коллапса СССР? Существует хорошо разработанная аналитическая конструкция, доказывающая неэффективность централизованной экономики государственных предприятий (Kornai, 1992). Более того, как показывают Вальдер (Walder, 1994), Ни и Лайэн (Nee and Lian, 1994), процесс реформирования сверху путем внедрения рыночных структур в подобные системы ослабляет и раскалывает правящую

элиту. Это происходит из-за подрыва мотивационной структуры чиновничества в результате снижения их зависимости от системы централизованного иерархического контроля и стимулирования противоречащей системе погони за личной экономической выгодой. Эти процессы, тем не менее, не могут восприниматься в качестве главной причины коллапса коммунистического режима. Рыночные реформы в СССР не были значительными, более существенными они были в зоне коммунистического контроля в Восточной Европе и наиболее масштабно проводились в Китае в 1980-х годах — там, где государство продолжало оставаться сильным. Венгрия и Польша — это примеры стран, где произошли широкие рыночные реформы. Эти примеры свидетельствуют о взаимодействии двух видов процессов. Рыночные реформы стимулировали внутреннее давление в направлении политических изменений, однако это привело к полномасштабной революции только в контексте геополитического кризиса, в который попал СССР и который привел к уничтожению контроля сверху.

Может быть и так, что рыночные реформы, как считают Вальдер, Ни и Лайен, постепенно приведут к краху социализма в Китае. Это не будет связано ни с крушением государства, ни с демократической революцией. Действительно, до тех пор, пока экономический рост благодаря рыночным реформам продолжает способствовать усилению геополитических позиций Китая, можно ожидать, что государство будет оставаться сильным, даже если оно эволюционирует в иную, в сравнении с чистым социализмом, форму политико-экономической организации.

Личностный фактор. В качестве другого фактора, на который ретроспективно ссылаются для объяснения низвержения режима в СССР, выступает влияние личностей. Подоплека этого аргумента глубоко внетеоретическая: уникальные, де, личности типа Горбачева, которые появляются непредсказуемо, могут заставить историю пойти совершенно другим путем. Подобную логику можно легко опровергнуть. Личности мирового значения не появляются случайно. Лишь когда они структурно занимают позиции, позволяющие им действовать масштабно, у них возникает возможность добиться мирового признания. Такие позиции обеспечиваются только высоко централизованными структурами власти и там, где властные коалиции вокруг этой точки фрагментированы и текучи. Короче говоря, условия появления социально значимых личностей формулируются теорией крушения государства и близкими к ней теориями формирования государства и мобилизации социального движения. С точки зрения социологии вопрос будет заключаться в том, какие условия способствуют росту и падению личной харизмы. Реформаторское движение Горбачева являет собой наиболее яркий пример того, насколько харизма зависит от динамики социального окружения. Горбачев до того, как в 1985-м году он возглавил КПСС, был темной фигурой, связанной

через Андропова с тайной полицией. И только тогда, когда он вступил на путь реформ, чтобы разрешить структурный кризис, он превратился в харизматического лидера. Мы можем в мельчайших деталях проследить его превращение в публичную фигуру на встречах с населением и во время поездок, сопровождавшихся высоким эмоциональным накалом, что сделало его символом надежд на либеральные изменения (причем мирным путем). Этот харизматический ореол стал тускнеть по мере того, как толпы, которые он мобилизовал, пошли дальше него, а сила принуждения режима была подорвана, превратив Горбачева в представителя слабеющего государственного авторитета. Харизмы — выдающиеся личности — возникают и умирают. Урок для социологии в том, чтобы изучать условия, при которых звезда таких личностей может вспыхнуть и закатиться.

Идеология. На коллапс СССР иногда ссылаются как на пример, когда общество погубила идеология. Падение связывается то с неумирающей идеей этнического национализма, то с распространением идей свободы, то с идеей капиталистического рынка, в особенности с его потребительской этикой. Нет оснований сомневаться в существовании веры в эти идеи. Вопрос в том, действительно ли они определили изменение советской системы и обеспечивает ли идеология общую основу предсказания, или следует сделать вывод, что предсказание невозможно?

Что касается этнических идеологий, то структурные условия этого типа мобилизации были рассмотрены выше. Этнический национализм в потенции существует практически всегда, однако ассимилируется ли он в более крупные национальные единицы (что является господствующей тенденцией в последние столетия: Tilly, 1993: 246-247) или развивается в направлении местного партикуляризма, зависит от самых разных условий. Заключение, что автономная сила этнической идеологии самой по себе определяет направление ее развития, является тавтологичным. То же самое можно сказать об идеологических претензиях капитализма. Прокапиталистическая идеология не была однородной даже на протяжении десятилетия в XX веке; по степени популярности про- и антикапиталистические идеологии неоднократно менялись местами. Вопрос о том, где и когда имели место данные изменения, не стал предметом систематического теоретического анализа. Если мы ограничим распространение капиталистической идеологии сферой, где действуют западные потребительские установки, поразительным будет тот факт, что современная идеология западных интеллектуалов и массовая культура далеко не свидетельствуют о победе консьюмеризма, равно как и постмодернистская атака на него. Таким образом, идеология антисоциалистически настроенных диссидентов не совпадала по фазе с установками предполагаемых законодателей идеологической моды на Западе.

Порассуждаем о теории. На роль идеологии в крушении государства и революциях обращалось внимание в рамках совокупного корпуса исследований, которые я обрисовал выше. С различными направлениями развития революций были связаны самые разные идеологические течения, однако теоретическое объяснение этого не было достаточно разработано. Голдстоун (Goldstone, 1992: 416-448) считает, как и Скокпол, что идеологии не играют заметной роли в объяснении крушений государства (то есть идеологии являются случайным, а не необходимым элементом причинно-следственной цепи; они вступают в дело только тогда, когда достаточно развились конфликт внутри элиты и государственный бюджетный кризис). (Сравните это с формулировкой Моадделя (Moaddel, 1992). По Голдстоуну, идеология лучше способствует предсказанию последствий крушения государства. Тем не менее, у нас отсутствует систематическая теория того, какая идеология возникнет в том или ином конкретном случае. Многочисленные примеры свидетельствуют, что идеологические движения есть «движения в будущее с головой, повернутой в прошлое». Скажем, главный всплеск классового конфликта в ходе ранней индустриальной революции в Англии произошел благодаря реакционной идеологии рабочих, пытавшихся остановить часы истории и вернуться к ремесленному производству, а в итоге заложивших основы регулярного фабричного производства (Calhoun, 1982).

Мое предсказание будущего российской империи включало теоретическое положение о том, что идеология вытекает из геополитики. В отношении тех регионов СССР, которые попадали в сферу геополитического влияния рядом расположенных исламских государств, я предположил, что распространение ислама в них станет движущей силой революции. Престиж идеологии возрастает и падает в зависимости от государственной власти, которой обладают наиболее видные приверженцы этой идеологии. Поэтому успех иранской революции под руководством исламских фундаменталистов привел к быстрому нарастанию исламского фундаментализма в прилегающих регионах, включая Афганистан. В отношении же основной части СССР мое предположение заключалось в том, что крушение государства и трансформация режима могли также произойти под флагом идеологии, представляющей оппортунистическую (dissident) форму коммунизма. Именно так и произошло в начале (реформирование коммунизма Горбачевым), однако я не ожидал, что трансформация быстро пойдет в про-капиталистическом направлении. Здесь я мог бы извлечь большую пользу из общего принципа, гласящего, идеологии, так же как и правители, делегитимируются при падении власти и престижа режима, на который опираются. Точно так же как поражение в Первой мировой войне подорвало идеологический престиж капиталистических модернизаторов, которые контролировали российское правительство, и вызвало откат в

сторону антикапиталистической идеологии, геополитическое поражение СССР (и продолжающееся снижение власти и престижа коммунистов-реформаторов под руководством Горбачева) привело к откату в сторону идеологии антикоммунистической и про-капиталистической.

Крушения государства, таким образом, вызывают смещения от одной идеологии к другой в рамках пары соперничающих идеологий. А поскольку количество идеологий обычно не ограничивается парой альтернатив, постольку обобщающая значимость этого принципа не распространяется на слишком широкий ряд процессов. Нам нужна более основательная теория условий, при которых рождаются идеологии и какая-либо из них становится доминирующей. Идеология, несомненно, может быть инкорпорирована в общую предсказательную теорию государственных крушений, однако вместо того, чтобы превращать идеологию в причину самой себя, в движущую силу, которой ничто не движет (*free-floating unmoved mover*), мы должны определить условия возникновения разнообразных идеологий и установить их место в причинно-следственной цепи.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что приведенные здесь конкурирующие между собой объяснения крушения СССР даны для конкретного случая. Они не основываются на общих принципах, которые бы вытекали из изучения широкого круга примеров. Геополитическая теория, напротив, опиралась с момента своего возникновения на сравнительные данные. Геополитическая теория государственных изменений еще далека от совершенства и еще не прошла строгой эмпирической проверки. Тем не менее, с ее помощью можно делать точные, в общем и целом, предсказания, давать объяснения по факту события. Она хорошо сопрягается с основными постулатами теории и направлениями исследований развития государства, его крушений и революций. Детали того, как в действительности произошло крушение СССР, соответствуют процессам, описываемым в рамках этих моделей. Поэтому было бы справедливо заключить, что геополитическая теория представляет собой тот строительный блок, с установки которого можно начать возведение всей обобщающе-предсказательной конструкции.

Насколько точное предсказание возможно?

Современная геополитическая теория не очень точна. Если основываться на исторических атласах, то оказывается, что условия, определяющие геополитические преимущества и недостатки, изменяются очень медленно, в течение нескольких столетий (Collins, 1978). Поскольку государство контролирует военные ресурсы на определенной территории, постольку относительно сбалансированный запас таких ресурсов растрачивается в течение значительно более коротких промежутков, в течение войн и связанных с ними периодов острой нехватки ресурсов; при этом масштабные войны, как правило, длятся от двух до пяти лет, редко — более десяти. Это дает нам два временных порядка: длительное латентное накопление и растрачивание ресурсов

с пиками этого процесса, которые приходится на время войн, когда подобные сдвиги проявляются в ощутимых изменениях территориальной власти. Условия, определяющие время, когда войны реально начинаются, или — соответственно — когда войн удастся избежать, включают в себя множество других факторов, которые, однако, в длительной перспективе можно минимизировать, как мы можем заключить, поскольку долговременный вектор изменений относительных ресурсов, в конечном счете, вызывает соответствующее расширение государства или его сжатие. Когда мы применяем геополитическую теорию для предсказаний, мы сталкиваемся с проблемой известной приблизительности, вытекающей из внутренне присущих теории особенностей. Я пришел к выводу, что с точки зрения геополитических ресурсов возможно предсказание изменений в течение периодов до 30–50 лет. Внутри же таких периодов установить (по крайней мере, пользуясь одними только геополитическими данными), когда произойдут серьезные кризисы, вызванные военными причинами, не представляется возможным. С позиций 1980 года я предсказал, что СССР дезинтегрируется в течение периода от 30 до 50 лет. Честно говоря, я был удивлен, что это произошло слишком рано, однако очевидно, что данный срок не выходил за рамки моего предсказания.

Из-за факторов, действующих на этом промежуточном, или мезоуровне, причинности, иногда утверждается — и все более решительно, — что геополитические ресурсы по своей природе не способны генерировать предсказания относительно изменений государственной власти, потому что всегда существует возможность заключения дипломатических союзов, которые компенсируют любую специфическую силу или слабость. Манн (Mann, 1989) выдвигает возражение против формулировки геополитической теории, данной Кеннеди (Kennedy, 1987), заключающееся в том, что любая подобная модель девальвируется непредсказуемостью дипломатических альянсов. Но факт ли то, что дипломатия является сферой свободного выбора? До сих пор не было глубокого расхождения между литературой по дипломатии и по геополитике, однако имеются основания утверждать, что дипломатия вытекает из геополитики. Я выдвигаю следующие гипотезы: а) геополитически сильные государства навязывают союзы слабым государствам, расположенным непосредственно в зоне военной экспансии сильных государств; б) там, где достигнута ситуация равновесия сил (то есть в зонах, где многочисленные государства граничат друг с другом, а внутренние зоны подвержены действию геополитического принципа 3, который был рассмотрен выше³), государства заключают союзы по принципу «враг моего

³ Имеется в виду приведенный Р. Коллинзом в первой части данной статьи принцип *фрагментации внутренних государств*: государства, расположенные в центре географического региона, с течением времени тяготеют к распаду на более мелкие образования. — *Прим. ред.*

врага — мой друг». Это приводит к ситуации шахматной доски и фрагментации внутренних регионов, что вытекает из принципа 3. Эти средние или срединные регионы существуют лишь до тех пор, пока пограничные государства не стали сильными. По мере кумулятивного накопления силовых ресурсов на противоположных полюсах такого срединного региона союзы трансформируются в биполярные блоки, управляемые наиболее крупными государствами. Исторические примеры, начиная с экспансии Рима и кончая советским и американским блоками XX века, свидетельствуют, что дипломатия отнюдь не отменяет принципы геополитики, дипломатия — это геополитика, только осуществляемая с помощью других средств.

Существует третий временной порядок, который является более коротким, чем любой из описанных выше. Это временной порядок социальных движений. В центре него находятся два или три дня, в течение которых государство висит на волоске; на улицах мобилизуются толпы, а волны энтузиазма или страха выливаются в массовые социальные движения, не последнюю роль в которых играют солдаты, перемещающиеся из одного центра власти в другой. Вокруг этой мгновенной вспышки — революционных «дней» народной славы, — когда происходит действительная передача власти, возникает полутьнь частичной мобилизации, длящаяся несколько недель. Этот период может растянуться на месяцы, если движение дробится целым рядом силовых центров, как это было в случае различных столиц стран Восточной Европы осенью — зимой 1989–1990 годов или союзных республик СССР, начиная с 1990 года и далее.

Эмоциональная насыщенность этого микропериода мобилизации и возникающая в его рамках способность творить символы столь велики, что он затмевает собой два других порядка временных процессов (длительные, медленные изменения относительного уровня государственных ресурсов в течение десятилетий или столетий и несколько лет напряжения войны), которые и сделали этот микропериод возможным. Стало журналистским клише, особенно летом 1991 года, изумляться по поводу того, что смена советского режима произошла так быстро. Однако с социологической точки зрения было бы удивительным, если бы изменения в государственном управлении не произошли столь быстро. В сердцевине государства (монополия организованной военной силы) находится силовая коалиция, субъекты принуждения (*enforcers*), которые дисциплинируют друг друга под угрозой применения вооруженной силы. В процессе распада и замены другой коалицией такая коалиция должна быстро пройти критическую точку, поскольку для отдельного субъекта принуждения чрезвычайно опасно оставаться вне победившей коалиции. Эти критические точки порождают чрезвычайно сильные и заразительные эмоции, они создают ощущение, что все висит на волоске, что наступил момент свободы и выбора. Все это

способствует возникновению идеологии, представляющей революцию беспричинными и непредсказуемыми.

Тем не менее, переход через эти критические точки сам по себе глубоко структурирован двумя первыми порядками временных процессов, которые были рассмотрены выше. Точно так же, как такой переход представляется непредсказуемым, по крайней мере, с точки зрения макропроцессов, переходы оказываются предсказуемыми в более широких временных рамках, когда макропорядки причинности сдвинулись на более высокий уровень.

Включенные (nested) уровни макро- и микропредсказаний

То, что мы только что рассмотрели, представляет собой проблему соотношения макро- и микроуровней. Вопрос о различных порядках каузальной точности и точности предсказаний прекрасно иллюстрирует характер этого соотношения. Предмет нашего интереса — это континуум, а не дихотомия. На полюсе макропредсказаний находятся формы причинно-следственной связи, относительно более протяженные в пространстве и длительные во времени; к полюсу микропредсказаний тяготеют формы социальной организации, которые можно различить в последовательно уменьшающихся интервалах времени и сегментах пространства. Таким образом, между сравнительно более высоким макроуровнем и более низким микроуровнем находится один из включенных уровней. На макрогеополитическом уровне обнаруживаются цепи причинно-следственных связей, охватывающих периоды от десятилетий до столетий, а также различные взаимосвязи социальной организации в разных точках пространства. Предсказания обобщающего плана на этом уровне лучше всего проявляются в утверждениях относительно направления изменений в геополитических преимуществах и недостатках и указывают на сдвиги, которые имеют место иногда в течение периода от 30 до 50 лет.

Включенными в такие периоды оказываются относительно масштабные процессы, такие как войны или крушения государства. (В силу неточности нашего понятийного аппарата применительно к таким случаям мы можем определить подобные процессы как процессы *низшего макро-* или *высшего мезоуровня*; в них тысячи или миллионы не знающих друг друга акторов связываются в цепи отношений, которые могут раскрыться через годы). Проблема неточности предсказания на этом высшем мезоуровне относится преимущественно к зарождению конфликта или процесса крушения, которое может быть по сути случайным до тех пор, пока оно является результатом наложения друг на друга ряда более мелких кризисов, как это происходит в модели «нормальных нарушений» Перроу (Perrow, 1984). Тем не менее, когда процесс крушения начался, в нем проявляется определенный *теоретический* порядок в том смысле, что абстрактные характеристики

распадающихся силовых коалиций и замещающих их других обнаруживаются в широком ряде случаев, почти повсеместно. Напомним, однако, что успешное предсказание требует сочетания обоснованной общей теории и эмпирического знания относительных исходных пунктов; предсказание часто невозможно в ходе лавинообразно развивающихся событий, потому что данные об этих эмпирических условиях недоступны.

Углубляясь в процесс, мы достигаем низшего мезоуровня времени мобилизации движения и включенных в него напряженных часов, приходящихся на пик массовых выступлений. Эти события низшего мезоуровня мы подсознательно выбираем в качестве объекта рассмотрения из более широкого набора похожих временных периодов, когда превалирует рутинная и не происходит ничего, что заслуживало бы нашего внимания. И снова мы обнаруживаем, что принципиальная неточность предсказания связана с определением времени, когда в этой точке пространства начинается деятельность особого рода. В коллективном докладе Курана, представленном на этом симпозиуме [REF], содержатся веские аргументы в плане того, почему точное время прохождения этих критических точек не могут предсказать сами участники событий. Это представляет собой теорию непредсказуемости на третьем уровне включенного макро- микроконтинуума, описывающую точку зарождения оппозиционных социальных движений. Искаженное представление о предпочтениях, что является нормальным для лиц, пребывающих в составе взаимно навязанной силовой коалиции, может быть разрушено только в особых условиях (которые вытекают из процессов включенного макроуровня на этапе крушения государства). Однако коль скоро критическая точка пройдена, динамика социального движения, в том числе в пиковые периоды коллективного поведения, подчиняется весьма жесткой схеме. Толпы, даже в момент наивысшего эмоционального возбуждения, не ведут себя стихийно, но демонстрируют значительную социальную скоординированность вплоть до уровня действительных микропроцессов (McPhail, 1991: 158-184). Такие точки перехода могут быть также охарактеризованы как переход в условиях накопления критической массы; это происходит при комбинации условий, описанных Марвеллом и Оливером (Marwell and Oliver, 1993).

Короче говоря, проблема неточности предсказания возникает в тех пунктах, где осуществляется переход с высокого уровня макроанализа на включенный в него уровень социального взаимодействия. Сам факт включенности относит нас непосредственно к сдвигу во временных порядках, к которому относится неточность предсказания. Тем самым мы подчеркиваем, что, исходя из факторов, которые проявляют себя через определенный период времени (например, в течение полувека), невозможно предсказать с большей или меньшей точностью начало процессов, которые скажутся в течение 3–10 лет. Или, другими

словами, мы снова имеем дело с соотношением между последователь- но уменьшающимися включенными промежутками времени.

Препятствия на пути успешного социологического предсказания

Существует ряд причин, почему социологи не дают более успешных социологических предсказаний. Если говорить коротко, то эти причины включают в себя неспособность различать эмпирическую экстраполяцию и предсказание, основанное на теории, а также неспособность теоретиков собрать достаточные данные об эмпирических исходных точках, с которых начинается предсказание. Кроме того, существует значительное множество соперничающих между собой теорий во многих областях, при этом сравнительно мало внимания уделяется вопросу о том, какие направления теоретического исследования наиболее обоснованы (с помощью критериев, рассмотренных выше). Более того, большая часть метатеоретических дискуссий в социологии ведется не по поводу конкретных сущностных объяснений, а по поводу абстрактных аргументов, почему сущностное объяснение человеческих действий (и в силу этого — предсказание) невозможно и — быть может — аморально. Не буду вдаваться в суть долгих споров в связи с историцизмом, герменевтикой (interpretivism) и гуманизмом. Отмечу лишь, что тезис о невозможности предсказания в данном случае должен быть отвергнут и что в социологии существует много других областей, где — при условии должного внимания к обоснованию объяснительной теории и сбору достаточной информации об эмпирических исходных точках — также можно получить успешные предсказания.

Вышеназванные препятствия на пути предсказания внутренне присущи сообществу обществоведов. Существуют также внешние условия, которые могут стать препятствиями, особенно когда речь идет о макросоциологическом предсказании политически значимых событий. Одно из таких тормозящих влияний оказывается политическими идеологиями общества, в котором мы живем и действуем. Я уже отмечал, что в течение почти всех 1980-х годов как либералы, так и консерваторы были заморожены стереотипизированным образом СССР. В конце 80-х, когда либеральные реформы Горбачева шли полным ходом, в американских газетах эта информация размещалась в разделах, предназначенных для информации второстепенной. Во время президентской кампании 1988 года кандидат Дукакис проигнорировал инициативы во внешней политике, направленные на деэскалацию, несмотря на то, что опросы общественного мнения свидетельствовали о большей в сравнении с любым американским политиком популярности Горбачева в США. В начале лета 1989 года, когда оставались месяцы до начала крушения режимов в Восточной Европе, президент Буш и его администрация заняли позицию, в соответствии с которой реформы в СССР — это лишь военная хитрость и что необходимо продолжать наращивание вооружений.

Можем ли мы извлечь социологический урок в отношении динамики идеологии из поведения американских политиков в конце 1980 годов? Оказывается, что идеологии, сформировавшиеся в ходе предыдущих конфликтов, изменяются медленно, даже тогда, когда изменились лежащие в их основе структурные условия. Лишь когда происходят полные драматизма изменения отношений на поверхности, на первый план выходит ряд новых идеологических символов. До 1989 года господствующее видение глобальных перспектив заключалось в восприятии коммунистических государств в качестве устойчивых и мощных; в течение нескольких лет столь же общепринятой стала точка зрения, в соответствии с которой они были обречены на поражение. Ни одна из этих точек зрения не основывалась (и не основывается) на глубоком теоретическом понимании подоплеку государственной власти. Социологи способны придти к такому пониманию лишь в той мере, в какой они могут изолировать себя, хотя бы в течение части жизни, от влияния распространенных политических идеологий.

То, что это непростая задача, доказывает нам пример с Полом Кеннеди. Он опубликовал в 1987 году работу, посвященную общей теории подъемов и закатов государственной мощи с ее приложением ко всем основным государствам современного мира. Кеннеди самостоятельно сформулировал несколько главных принципов геополитической теории, которые я перечислил выше, сфокусировав свой анализ на принципах ресурсных преимуществ (принцип 1) и сверхпротяженности (принцип 4). Тем не менее, он упустил возможность использования этих принципов для предсказания грядущего заката советского государства, поскольку сосредоточился главным образом на опасности заката США, — прежде всего, в результате распространения американской военной мощи по всему миру. В этом прослеживается влияние идеологической ангажированности. Кеннеди выражал точку зрения американских либералов, озабоченных тем, чтобы не повторить ошибку Вьетнамской войны. Этот тезис содержался в его теории в виде принципа сверхпротяженности военной мощи вплоть до самых отдаленных регионов, что приводит к закату могущества в результате истощения ресурсов. Теоретические принципы Кеннеди и лежащие в их основе исторические сравнения справедливы в пределах их действия. Неудача Кеннеди в плане предсказания объясняется идеологической ангажированностью, заставившей его сосредоточить внимание на государстве, которое он очень хотел предупредить — на его собственном государстве, — при этом перспективы государства, где геополитическое напряжение было наивысшим, остались в тени.

Существуют более рутинные причины того, почему мы не развиваем или не используем предсказательные потенции объяснительной социологии. Обыденный дискурс и ритуалы социального взаимодействия способствуют консервации социальных институтов так, что они выступают как постоянные и неизменные. Этнометодологические

изыскания в области здравого смысла показывают, что социальные акторы предпочитают воспринимать социальный фон нормального в качестве должного. Когда в результате некоего инцидента образуется брешь в нормальных ожиданиях, мы пытаемся как можно скорее заделать ее путем наложения нормальной формы. В этом одна из причин того, почему рядовые социальные акторы воспринимают макроструктуры мира через увеличительное стекло идеологий, роль которых заключается лишь в привнесении в мир субъективного представления о порядке. Тем не менее, рутина исследователей-социологов и теоретиков отличается от рутины неспециалистов. Мы мобилизовали интеллектуальные ресурсы, которые позволяют нам привычным способом соединять внутренне связанные и проверенные на практике модели социальных процессов, причем категории, используемые в этих моделях, отличаются от воспринимаемых как данность категорий повседневного общения. Показательно, что социологическая теория может быть использована для верного предсказания процессов, которые не видны «невооруженным глазом». Именно это позволяет социологии внести ощутимый вклад в предсказание.

Перспективы предсказательной социологии

Способность социологии давать верные предсказания — признак зрелости дисциплины. Обоснованное предсказание — это не попадание в цель с одного выстрела; оно обеспечивается кумулятивным развитием теории и эмпирических исследований. Выбор перспективных тропинок и блуждание по темным аллеям, накопление данных и обнаружение отличий и взаимосвязей, комплексный охват и упрощение ключевых моделей в стратегических целях — на все это требуются поколения. Было бы удивительно, если бы не было достигнуто прогресса в этом направлении за сто лет существования социологии в институциональной форме, грубо — с момента основания «Американского социологического журнала» одновременно с академической и профессиональной организацией социологической науки как в США, так и во Франции. Макродинамика политического изменения — предмет долговременного исследовательского интереса в социологии; страсть и энергия, связанные с его разработкой привели к формированию сердцевинной теории, которая хорошо послужит до того момента, когда в будущем будет разработана более утонченная теория.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С целью проиллюстрировать общую приложимость геополитической теории и теории крушения государства кратко рассмотрим оценки перспектив будущей политической стабильности в различных болевых точках середины 1990-х годов.

Южная Африка обладает сильными геополитическими преимуществами в сравнении со своими соседями на Африканском континенте (а также в сравнении с несколькими группами государств на

Севере): у нее имеются преимущества обширной территории, ресурсов и самого многочисленного населения, а также мощной экономики; она занимает пограничную позицию в сравнении с государствами со многими границами; нет других сильных и потенциально экспансионистских государств на некотором отдалении; в ее нынешнем состоянии ей не угрожает опасность военной сверхпротяженности, хотя такая опасность может возникнуть через несколько десятилетий, если ЮАР попытается использовать свои геополитические преимущества для создания империи из своих государств-клиентов. Главный фактор, который до 1994 года удерживал Южную Африку от экспансии, была гражданская война между белым и черным населением. В более ранней публикации (Collins, 1978: 32) я предположил, что если черному меньшинству удастся получить политический контроль, в течение последующих десятилетий Южная Африка войдет в фазу экспансионизма. До тех пор пока внешний конфликт обеспечивает солидарность, а из межгосударственной власти и престижа вытекает легитимация, экспансия военной мощи государства будет способствовать успешному институциональному закреплению режима. (Отметим, что экспансия не обязательно связана с прямым завоеванием. Она может осуществляться в форме, схожей с внешней силовой политикой США в период после 1945 года: коалиции союзников под эгидой США и миротворческие миссии.)

Контрастным примером служит геополитическое предсказание будущего бывшей Югославской федерации и ее ближайших соседей. Здесь смешение народов и недостаточные экономические ресурсы не дают явных преимуществ ни одному из этих государств и осколкам государств. Все пребывают в ситуации множественности фронтов той или другой степени (исторически они объединялись только большими империями, центр которых располагался в более богатой ресурсами зоне на северо-западе или на юго-востоке). Все это является формулой политики маневрирования и равновесия власти. Этническая шахматная доска — это результат многовековых геополитических изменений. До тех пор пока Европейское Сообщество не превратится в интегрированную и военно-экспансионистскую силу, которая берет под свое крыло государства-клиенты, можно ожидать, что этот регион на Балканах будет оставаться уязвимым в военном отношении и с низкой легитимацией власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Calhoun, Craig.* 1982. *The Question of Class Struggle.* Chicago: University of Chicago Press.
2. *Collins, Randall.* 1978. "Long-term Social Change and the Territorial Power of States". In: Louis Kriesberg (ed.). *Research in Social Movements, Conflicts, and Change.* Vol. 1. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1-34.

3. *Collins, Randall, and David V. Waller.* 1992. "What Theories Predicted the State Breakdowns and Revolutions of the Soviet Bloc?" In: Louis Kriesberg (ed.). *Research in Social Movements, Conflicts and Change* Vol. 14. Greenwich: JAI Press.
4. *d'Encausse, Helene C.* 1979. *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt.* New York: Harper and Row.
5. *Goldstone, Jack A.* 1992. "Immanent political conflicts arising from China's environmental Crisis". *Occasional Papers Series of the project on Environmental Change and Acute Conflict.* Cambridge MA: American Academy of Arts and Sciences.
6. *Kennedy, Paul.* 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* New York: Random House.
7. *Kornai, Janos.* 1992. *The Socialist System: The Political Economy of Communism.* Princeton: Princeton University Press.
8. *Li, Jie-li.* 1993. "Geopolitics of the Chinese Communist Party in the Twentieth Century". *Sociological Perspectives* 36:
9. *Mann, Michael.* 1989. "Comments on Paul Kennedy's *The Rise and Fall of the Great Powers*". *British Journal of Sociology* 40: 331-335.
10. *Marwell, Gerald, and Pamela Oliver.* 1993. *The Critical Mass in Collective Action. A Micro-Social Theory.* New York: Cambridge University Press.
11. *McPhail, Clark.* 1991. *The Myth of the Madding Crowd.* New York: Aldine de Gruyter.
12. *Moaddel, Mansoor.* 1992. "Ideology as Episodic Discourse: The Case of the Iranian Revolution". *American Sociological Review* 57: 357-379.
13. *Nee, Victor and Peng Lian.* 1994. "Sleeping with the enemy: A dynamic model of declining political commitment in state socialism". *Theory and Society* 23: 253-296.
14. *Perrow, Charles.* 1984. *Normal Accidents.* New York: Basic Books.
15. *Skocpol, Theda.* 1979. *States and Social Revolutions.* New York: Cambridge Univ. Press.
16. *Szelenyi, Ivan and Balazs Szelenyi.* 1994. "Why Socialism Failed: Toward a Theory of System Breakdown – Causes of disintegration of East European State Socialism". *Theory and Society* 23: 211-231.
17. *Tilly, Charles.* 1978. *From Mobilization to Revolution.* Reading, Mass.: Addison-Wesley.
18. *Tilly, Charles.* 1993. *European Revolutions, 1492-1992.* Oxford: Blackwell.
19. *Walder, Andrew G.* 1994. "The Decline of Communist Power: Elements of a Theory of Institutional Change". *Theory and Society* 23: 297-324.